

**СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ  
КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНО-  
ПРАГМАТИЧЕСКОГО СООТВЕТСТВИЯ ПЕРЕВОДА  
(на материале романа Г. Бёлля «Глазами клоуна»  
в переводе на русский язык)**

**Л. В. СОЛОНОВИЧ<sup>1)</sup>**

<sup>1)</sup>Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,  
ул. Советская, 18, 220050, г. Минск, Республика Беларусь

Рассматривается прагматический аспект художественного текста, а также семантико-стилистические трансформации как способ достижения коммуникативно-прагматического эффекта переводного художественного текста. Анализируются подходы к определению прагматики перевода и художественного перевода в частности. Проведено комплексное лингвистическое исследование семантико-стилистических трансформаций как способа достижения коммуникативно-прагматического соответствия на материале романа Г. Бёлля и его перевода, осуществленного Л. Черной. Выявлены семантико-стилистические трансформации, осуществлена их классификация, определены особенности функционирования при переводе и установлена частотность использования различных видов семантико-стилистических трансформаций. Выделены формальные типы семантико-стилистических трансформаций, а также основные различия семантического и стилистического плана текста оригинала и вторичного текста в результате их применения.

**Ключевые слова:** прагматика перевода; семантико-стилистические трансформации; коммуникативно-прагматическое соответствие; художественный текст.

**SEMANTIC-STYLISTIC TRANSFORMATIONS AS  
A WAY OF ACHIEVEMENT OF COMMUNICATIVE-PRAGMATIC  
ADEQUACY OF TRANSLATION  
(based on Russian translation of the novel of H. Böll «The Clown»)**

**L. V. SALANOVICH<sup>a</sup>**

<sup>a</sup>Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,  
Sovetskaya Street, 18, 220050, Minsk, Republic of Belarus

This article deals with the problems of pragmatics of a literary text and semantic-stylistic transformations as a way of achievement of communicative-pragmatic effect of target literary text. The author analyzes approaches to definition of pragmatics of the translation and a literary translation in particular. The aim of the article is a comprehensive linguistic study of semantic-stylistic transformations as a way of achievement of communicative-pragmatic adequacy based on the novel by H. Böll «The Clown» and its translation of L. Chernaya. Scientific novelty of the article is to identify the semantic-stylistic transformations in their classification, the study of the

**Образец цитирования:**

Солоневич Л. В. Семантико-стилистические трансформации как способ достижения коммуникативно-прагматического соответствия перевода (на материале романа Г. Бёлля «Глазами клоуна» в переводе на русский язык) // Вестн. БДУ. Сер. 4, Филологія. Журналістыка. Педагогіка. 2016. № 1. С. 50–55.

**For citation:**

Salanovich L. V. Semantic-stylistic transformations as a way of achievement of communicative-pragmatic adequacy of translation (based on Russian translation of the novel of H. Böll «The Clown»). *Vesnik BDU. Ser. 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2016. No. 1. P. 50–55 (in Russ.).

**Автор:**

**Людмила Владимировна Солоневич** – аспирантка кафедры общего и русского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. А. Гируцкий.

**Author:**

**Liudmila Salanovich**, postgraduate student at the department of general and Russian linguistics, school of philology.  
solonovich-lv@mail.ru

functioning of the translation and the establishment of the frequency of use of different kinds of semantic-stylistic transformations. Formal types of semantic-stylistic transformations and the main differences between the semantic and stylistic plan of the text of the source and target texts as a result of their application are categorized.

**Key words:** pragmatic of translation; transformations in translation; communicative-pragmatic adequacy; literary text.

Прагматический аспект перевода получил освещение во многих работах отечественных и зарубежных переводоведов (Ю. Найда, А. Нойберт, О. Каде, К. Райс, В. Н. Комиссаров, А. Д. Швейцер и др.). Большинство исследователей исходят из определения прагматики, предложенного Ч. Моррисом, который выделил три составляющих семиотики: синтактика – формальные отношения, в которые вступают знаки друг с другом; семантика – отношение знаков к объектам; прагматика – отношения между знаками и пользователями [1]. Позднее понимание прагматики было расширено и углублено, но во всех трактовках этого феномена центральной остается идея оказания речевого воздействия в ходе коммуникации. В рамках коммуникативно-прагматического подхода основной задачей перевода художественных текстов является передача функций, выполняемых произведением, а также передача коммуникативного намерения автора текста.

В переводоведении прагматический аспект впервые был последовательно освещен в работах немецкого ученого А. Нойберта, который подчеркивал приоритетность прагматики перевода по отношению к семантике и грамматике и определял цель перевода как сохранение воздействующего потенциала речи посредством воссоздания коммуникативной целостности оригинала [2, с. 194]. Идеи А. Нойберта нашли отражение в работах К. Райс, установившей прагматические нормы переводческой деятельности применительно к текстам различных жанров. К. Райс указывала на важность эстетической формы для перевода художественных текстов в отличие от перевода текстов иной направленности (информативных, апеллятивных) [3, с. 202–222].

А. Д. Швейцер отмечал, что, «только зная функцию исходного текста и его место в исходной культуре, можно оценить значимость отдельных элементов» для осуществления перевода [4, с. 32].

По мнению Г. Гачечиладзе, основной целью перевода является передача функций художественных текстов. Перевод рассматривается им как вид творчества, где «оригинал выполняет функцию, аналогичную той, которую выполняет для оригинального творчества живая действительность. Соответственно своему мировоззрению переводчик отражает художественную действительность избранного им произведения в единстве формы и содержания» [5, с. 91].

Л. С. Бархударов относил к прагматическому аспекту перевода «все вопросы, связанные с различной степенью понимания участниками коммуникативного процесса тех или иных языковых единиц и речевых произведений и с различной их трактовкой в зависимости от языкового и неязыкового (экстралингвистического) опыта людей, участвующих в коммуникации. В этом смысле “прагматика” выходит далеко за рамки собственно прагматических значений языковых знаков, упираясь в исследование экстралингвистических факторов речи, таких как предмет, ситуация и участники речевого акта» [6, с. 107]. Говоря о прагматических аспектах перевода, Л. С. Бархударов подчеркивал важность понимания переведенной информации, указывая на необходимость использования различных приемов перевода именно с той целью, чтобы рецептору перевода было понятно, о чем идет речь в оригинале. По мнению ученого, «для художественной литературы ведущими часто оказываются не референциальные, а прагматические значения, выражаемые в данных текстах. <...> При переводе художественных текстов переводчик нередко вынужден жертвовать передачей референциальных значений, с тем чтобы сохранить несравненно более существенную для данного типа текстов информацию, заключенную в выражаемых в нем прагматических (эмоциональных и пр.) значениях» [6, с. 73].

Прагматика перевода определяется В. Н. Комиссаровым как влияние необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала на ход и результат переводческого процесса и стремление обеспечить желаемое воздействие на рецептора перевода [7, с. 210]. Под прагматическим потенциалом оригинала понимается «способность текста производить коммуникативный эффект, вызывать у рецептора прагматические отношения к сообщаемому, иначе говоря, осуществлять прагматическое воздействие на получателя информации» [7, с. 209]. Ученый также связывает прагматические аспекты перевода с жанровыми особенностями оригинала и подчеркивает, что в ряде случаев достижение коммуникативного эффекта, который определяется доминантной функцией оригинала, входит в прагматическую цель перевода. Из вышеизложенного следует, что достижение желаемого прагматического эффекта на рецептора переводного текста зависит от коммуникативного намерения автора исходного текста и установления его доминантной функции. Для художественных произведений основной прагматической задачей является создание на переводном языке (ПЯ) текста, оказывающего аналогичное художественно-эстетическое воздействие на рецептора перевода [7, с. 215–220].

В современных исследованиях были предприняты попытки изучения прагматического потенциала художественного текста, а также средств его создания и усиления. Прагматика текста представляет собой сложную многоуровневую структуру, которая реализуется на фонографическом, лексическом, синтаксическом и общетекстовом уровнях [8, с. 8]. На лексическом уровне прагматика художественного текста, по мнению З. С. Дотмурзиевой, выражена эмоционально-оценочной лексикой, стилистической вариативностью, авторскими неологизмами и окказионализмами [8, с. 8]. Нам представляется целесообразным дополнить средства прагматического воздействия в художественной литературе тропами и фигурами речи, а также фразеологизмами, поскольку любой фразеологизм обладает большей образностью и экспрессивностью, нежели стилистически нейтральное слово. Проблемы прагматики перевода вызваны отсутствием словарных соответствий в исходном языке (ИЯ) и языке перевода, частичным (неполным) соответствием иноязычного слова лексеме подлинника, многозначностью использованных в тексте оригинала лексем, а также наличием национально-специфических реалий [8, с. 15–16].

Таким образом, прагматический аспект перевода мы связываем в первую очередь с прагматическим воздействием, оказываемым на рецептора переводного текста, которое определяется его доминантной функцией. Для художественных произведений такой функцией является эстетическое воздействие, достигаемое с помощью различных языковых средств. На лексическом уровне к таким средствам относятся эмоционально-оценочная и стилистически маркированная лексика, тропы и фигуры речи, фразеологизмы. В переводном тексте в качестве художественного средства выступает также культурно маркированная лексика, поскольку в составе вторичного текста она также оказывает коммуникативно-прагматическое воздействие на рецептора перевода. Перечисленные выше языковые средства обладают коннотативным компонентом семантики, который включает в себя такие микрокомпоненты, как эмоциональный, экспрессивный, оценочный, стилистический, прагматический (культурный) [9, с. 27]. В семантику может также входить образный компонент [7, с. 152]. При изменении одного из названных микрокомпонентов мы будем говорить о семантико-стилистических трансформациях, поскольку изменение коннотативного компонента влечет за собой изменение в семантике языкового средства.

Целью данной статьи является комплексное лингвистическое исследование семантико-стилистических трансформаций как способа достижения коммуникативно-прагматического соответствия перевода оригиналу на материале романа Г. Бёлля «Глазами клоуна» (*Ansichten eines Clowns*) и его перевода, осуществленного Л. Черной. Ее работы были высоко оценены Союзом писателей СССР, что свидетельствует о компетентности и профессионализме переводчика.

Научная новизна статьи заключается в выявлении семантико-стилистических трансформаций в тексте перевода, их классификации, определении особенностей функционирования и установлении частотности использования различных их видов. В современной лингвистике перевода семантико-стилистические трансформации, будучи трансформациями смешанного типа, изучены в недостаточной степени.

В результате сопоставительного анализа оригинального и вторичного текстов было выявлено 367 семантико-стилистических трансформаций, которые по формальным признакам классифицируются на замены, добавления и опущения. Доминантным типом являются замены (137 единиц, или 38 % от общего числа трансформаций), употребление которых вызвано необходимостью адаптации переводного текста. В данном типе трансформаций мы выделяем приемы реметафоризации, контекстуальных замен, конкретизации. В процессе перевода может возникать необходимость замены незнакомых реципиенту переводного текста реалий на более понятные. Использование замен оправдано также и различиями в эмоциональном воздействии слов и выражений, используемых в тексте оригинала и перевода, когда одинаковое предметно-логическое содержание вызывает разные ассоциации у реципиентов ИЯ и ПЯ [7, с. 143].

Рассмотрим несколько примеров **замен**. *Sobald wir aus diesem fürchterlichen Nest heraus waren* [10] ‘как только мы уехали из этого ужасного гнезда’ – *но стоило нам выехать из этой проклятой дыры* [11]. В данном примере замена реализуется через прием реметафоризации, т. е. благодаря использованию замены образа. Лексема *Nest* ‘гнездо’ заменяется образным словом *дыра*, поскольку в русском языке оно применяется для обозначения небольших городов и деревень и обладает таким же стилистическим регистром (разг.) и негативной оценкой, как и немецкое *Nest*. Лексема *гнездо* имеет в русском языке скорее положительную коннотацию, как, например, в выражении *свить гнездышко*, однако в определенном контексте проявляется и негативная оценка: *воровское гнездо*. Но в русском языке данное слово имеет более узкое значение, чем в немецком, где оно обозначает не жилище, а место проживания.

В выражении *die gedankenlosen Hunde* [10] (груб., неодобр.) ‘бездумные собаки’ – *лучше бы вы поражались тупоголовым* (разг., фам., презр.) *животным* (разг., бран.) зооним *Hunde* ‘собака’ заменяется более общим понятием *животное*, обладающим теми же стилистическими характеристиками, что и оригинал. Отсутствие неодобрения в лексеме *животное* компенсируется оценочным эпитетом.

Реметафоризация при переводе сравнений заключается в замене образов на семантически сходные: *das ging von den Kirchenvätern bis Brecht wie ein Unwetter nieder* [10] ‘это обрушилось как буря’ – *на бедняжку обрушился целый интеллектуальный смерч* [11]. *Unwetter* ‘непогода, буря’ заменяется словом «смерч», которое имеет сходную образную основу.

При переводе стилистически окрашенной лексики в некоторых случаях используются контекстуальные замены: *war noch nicht gewappnet* [10] ‘я не был готов’ – *но пока я еще не собрался с духом* [11]. В данном примере наблюдается замена стилистической характеристики выражения: немецкий вариант относится к возвышенной лексике, а русский фразеологизм принадлежит к разговорному стилю. Кроме того, лексема *sich wappnen* заменяется фразеологизмом, используемым в данном контексте для сглаживания коннотативных различий, возникших в процессе перевода. Приведем еще несколько примеров: *in religiösen Büchern* [10] ‘в религиозных книгах’ – *в богословских трудах* [11]. Немецкая лексема *religiös* ‘религиозный, набожный’ имеет более широкие валентностные возможности, чем соответствующие русские лексические единицы, относящиеся прежде всего к человеку, поэтому при переводе употреблен более приемлемый в данном контексте вариант *богословский*. Слово *Zeug* ‘вещь, штука’ в немецком языке является многозначным и может использоваться в различных контекстах. Такая многозначность и универсальность вынуждают переводчика подбирать замены, соответствующие контексту: *irgendein Zeug* (разг., неодобр.) [10] ‘какая-нибудь ерунда’ – *эта адская смесь* [11].

Замены используются и при переводе культурно маркированной лексики. Например, для перевода словосочетания *für einen Groschen* [10] ‘на один грош’ – *на десять пфеннигов* [11] используется прием конкретизации, поскольку в русском языке денежная номинация *der Grosche* ‘монета номинальной стоимостью десять пфеннигов’ отсутствует. В русской лингвокультуре существует такая номинация применительно к рублям и выражается лексемой *червонец*, однако с учетом контекста данный вариант звучал бы слишком русифицированно. Слово *Jugendheim* ‘дом молодежи’ – *дом молодых католиков* [11] также подвергается конкретизации: понятие в переводном тексте выражено более конкретно, что обусловлено стремлением переводчика обеспечить достаточную степень понимания фрагмента текста читателем.

**Добавления** являются вторым по употребительности типом семантико-стилистических трансформаций (122 единицы, или 33 %), которые используются в качестве компенсации утрат, возникающих в результате опущения значимых для контекста компонентов семантики. Прием компенсации позволяет усилить коммуникативно-прагматический эффект некоторых отрывков оригинальных текстов, привнести не только образность, но и эмоциональную окраску в перевод: *der im Filmgewerbe eine große Rolle spielt* [10] ‘который играет важную роль в кино’ – *который слывет важной птицей* (разг., фам.) *в кино* [11]. Немецкий вариант не обладает образностью, он нейтрален, а в переводе употреблен зооним для обозначения человека. В данном примере используется прием метафоризации, т. е. употребление образного средства во вторичном тексте при его отсутствии в тексте оригинала, что может быть обусловлено не только необходимостью компенсации, но и осознанным выбором переводчика, его стремлением придать вторичному тексту большую выразительность и экспрессивность, о чем свидетельствует преобладание добавлений над опущениями. Так, в предложении *Ich bin in Bonn geboren und kenne hier viele Leute* [10] ‘Я родился в Бонне и знаю здесь много людей’ – *В Бонне я родился, знаю здесь каждую собаку* [11] было бы вполне уместно оставить вариант, не обладающий образностью, однако переводчик использовал прием добавления. Фразеологизмы также могут употребляться для усиления художественного воздействия: *war die Angst wieder weg* [10] ‘страх опять исчез’ – *мой страх снова как рукой сняло* [11].

Добавления экспрессивно-эмоциональных и стилистических сем придают большую экспрессивность тексту перевода: *Ich dachte auch an die Gossen, in denen ich einmal liegen würde* [10] ‘Я думал также о канавах, в которых буду лежать’ – *Я думал также о канаве, в которой со временем буду валяться* [11]. Нейтральное слово *liegen* ‘лежать’ заменено экспрессивным *валяться* (разг.), что усиливает воздействие фрагмента переводного текста. В переводе предложения *Was ist nun mit meinem Bruder* (нейтр.)? ‘Ну что с моим братом?’ – *А как там мой братец* (экспр.)? [11] экспрессивность достигается за счет использования существительного с уменьшительно-ласкательным суффиксом во вторичном тексте.

Наименее частотным типом семантико-стилистических трансформаций являются **опущения** (107 единиц, или 29 %), которые имеют место при переводе образных, эмоционально-экспрессивных, стилистически окрашенных, а также культурно маркированных лексем. Так, в фразе *schlürfte einen Klaren in sich hinein* [10] ‘хлебнул водки’ – *опрокинул рюмку водки* [11] фиксируется опущение образного



компонента, реализуемого через прием деметафоризации, в то время как в тексте на ИЯ вместо прямой номинации *der Schnaps* ‘водка’ употребляется завуалированное образное *der Klare* ‘прозрачный’. В ресурсах русского языка также есть метафорическая номинация этого алкогольного напитка – «беленькая», однако переводчик отказывается от ее использования в силу различий стилистической характеристики слов в ИЯ и ПЯ. В примере *ein sanftes Geräusch trug mich nach oben* [10] ‘мягкий шум унес меня наверх’ – *с мягким шелестом поднимаюсь вверх* [11] в немецком варианте звук поднимающегося лифта наделяется человеческими качествами, в то время как в варианте переводного текста метафоризация отсутствует. Рассмотрим несколько примеров. *Ich werde den Hund* (груб., неодобр.) *ohrfeigen* [10] ‘я дам пощечину этой собаке’ – *я залеплю этому негодяю* (разг., бран.) *пощечину* [11]. В данном случае наблюдается соответствие стилистических регистров оригинального и переводного текстов, однако отсутствие присущей зооморфным метафорам образности приводит к утрате коннотативного микрокомпонента исходной единицы. Перевод фразеологизмов также может сопровождаться деметафоризацией, т. е. опущением образного компонента. В переводе выражения *ich müsste ja sonst meine Hand von ihm zurückziehen* [10] – *иначе мне пришлось бы от него отречься* [11] фразеологизм отсутствует, поскольку в русском языке соответствующей идиомы не существует.

Эмоционально-экспрессивный и стилистический потенциал слова, использованного в тексте на ИЯ, также может опускаться при переводе, что связано с разными типами коннотаций единиц ИЯ и ПЯ. Так, в выражении *die ich nicht anzurumpfen* (разг.) *gedachte* [10] ‘у которых я не собирался перехватить денег’ – *у которых я не собирался одалживать* (нейтр.) *деньги* [11] слово разговорного ранга передается стилистически нейтральной лексемой. В предложении *Sie war ihm Untertan* [10] – *Она подчинялась ему во всем* [11] наблюдается опущение экспрессивно-оценочного компонента. В оригинальном тексте слово *Untertan* является оценочным и выражает неодобрение, которое отсутствует в русском переводе. Предложение *Die Kirche ist ja reich, stinkreich* (разг., фам., эмоц.) [10] – *Ведь церковь богата, ужасно* (разг.) *богата* [11] в оригинале содержит прилагательное *stinkreich*, которое обладает яркой эмоциональной и разговорно-фамильярной окраской. Русский вариант *ужасно богата* менее экспрессивен и не придает высказыванию оттенка фамильярности, присутствующего в исходном тексте.

Опущения реализуются также через использование приема генерализации: *wie ich mir ein Oberseminar für Soziologie bei einem langweiligen Professor vorstelle* [10] – *и вообще все проходило так, как должны проходить, по-моему, семинары по вопросам социологии у скучнейшего профессора* [11]. Данный пример содержит культурно маркированную лексему *das Oberseminar*, которая в немецком языке означает ‘семинар для выпускников вуза’, своего рода экзамен. В русском языке подобное понятие отсутствует, поэтому переводчик использует аналог с более широким значением, который лишен прагматического компонента. В предложении на немецком языке *Sie hatte einmal unserem Briefträger fünfundzwanzig Pfennige als Neujahrstrinkgeld gegeben* [10] – *Однажды она дала нашему письмоносу двадцать пять пфеннигов в качестве новогоднего подарка* [11] лексема *Neujahrstrinkgeld* ‘новогодние чаевые’ обозначает деньги, которые в Германии принято давать в качестве подарка на Новый год представителям некоторых профессий, например почтальонам и работникам добровольной пожарной службы. В России такой традиции нет, что обусловило использование более обобщенного слова.

Таким образом, количество замен, добавлений и опущений оказывает непосредственное влияние на достижение коммуникативно-прагматического соответствия переводного текста оригиналу. Замены ассоциативно-образных представлений, закрепленных за определенными словами и выражениями, реализуемые через приемы реметафоризации, контекстуальных замен, конкретизации, носят функциональный характер и оказывают аналогичное воздействие на реципиента вторичного текста. Добавления используются, как правило, для компенсации утраченных в процессе перевода элементов и посредством использования приема метафоризации, т. е. употребления образного компонента значения при его отсутствии в тексте оригинала и введения экспрессивно-эмоциональных и стилистических сем. Добавления способствуют усилению коммуникативно-прагматического воздействия на реципиента текста. Количество добавлений коррелирует с количеством опущений и определяется стремлением переводчика внести образность и экспрессивность в текст перевода. Опущения вызваны межъязыковыми отличиями и представлены приемом деметафоризации, если в переводном языке отсутствует соответствующая образная основа, опущения экспрессивно-эмоциональных и стилистических сем при переводе экспрессивных языковых средств, не обладающих образностью, а также генерализации при переводе культурно маркированной лексики. Поскольку использование опущений при переводе приводит к ослаблению коммуникативно-прагматического эффекта текста ПЯ, возникает необходимость употребления различных видов добавлений. Рациональное соотношение опущений и добавлений способствует передаче прагматического потенциала подлинника и является способом достижения коммуникативно-прагматического соответствия перевода оригиналу на лексическом уровне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (*REFERENCES*)

1. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983. С. 37–89.
2. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : сб. ст. М., 1978. С. 185–202.
3. Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : сб. ст. М., 1978. С. 202–222.
4. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
5. Гачечиладзе Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М., 1972.
6. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., 1975.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990.
8. Дотмурзиева З. С. Прагматика англоязычного художественного текста и проблемы прагматики его перевода : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Пятигорск, 2006.
9. Шаховский В. И. К проблеме трансляции коннотативных компонентов переводимой единицы содержания текста оригинала // Тетради переводчика : науч.-теорет. сб. М., 1977. Вып. 14. С. 25–36 [Shakhovskij V. I. K probleme translyatsii konnotativnykh komponentov perevodinoi edinitsey sodержaniya teksta originala = To the problem of translation of connotative components of translatable units of original text content. *Tetrady perevodchika* : nauchn.-teor. sb. Mosc., 1977. Vol. 14. P. 25–36 (in Russ.)].
10. Böll H. Ansichten eines Clowns [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.com. Режим доступа: [http://royallib.com/book/ll\\_einrich/Ansichten\\_eines\\_Clowns.html](http://royallib.com/book/ll_einrich/Ansichten_eines_Clowns.html) (дата обращения: 19.09.2015).
11. Бёль Г. Глазами клоуна / пер. Л. Черной [Электронный ресурс] // Большая онлайн-библиотека e-Reading. Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=129710> (дата обращения: 19.09.2015).

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016.  
Received by editorial board 01.02.2016.